

В. Г. Белинский

Московский театр

Виссарион Белинский
Московский театр

«Public Domain»

1838

Белинский В. Г.

Московский театр / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1838

«Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Виссарион Григорьевич Белинский Московский театр

Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов. Посмотрите, какое движение на этой прекрасной площади, у этого величественно-грациозного дома, похожего на греческий храм:⁽¹⁾ к нему тянется ряд карет и дрожек всех родов, включая сюда и кулачки смиренных *ванек*;⁽²⁾ к нему приливают толпы пешеходов. Тут все полы, все возрасты, все сословия. Один спешит занять свои кресла в первом ряду, а другой поскорее захватить получше местечко на скромных скамеечках; тут идет великолепное семейство, состоящее из трех или четырех человек, занять свою ложу в бельэтаже, а рядом с ним идет целая толпа плащей и манто, шляп и шляпок «всех возрастов, считая от тридцати до двух годов»⁽³⁾, занять свою ложу в третьем ряду. Это обыкновенно чиновническое или купеческое семейство, а иногда и два, если не три: они *сложались* и взяли ложу. А вот дюжий работник, мастеровой, гризетка жмутся в толпе и толкают друг друга, чтобы прежде других получить билет в раек за свой трудовой, кровный гривенник. Все они будут в разных местах, но всех их привлек сюда один интерес, и все они будут видеть и слышать *одно*, и всякий по-своему насладится этим *одним*.

Давно ли – этому прошло с небольшим разве 50 лет, как Сумароков горько жаловался, в предисловии к своему «Димитрию Самозванцу», на невежественность публики его времени. «Вы, путешественники, – восклицает он, – бывшие в Париже и в Лондоне, скажите: грызут ли там во время представления драмы орехи; и когда представление в пущем жаре своем, секут ли поссорившихся между собою пьяных кучеров ко тревоге всего партера, лож и театра?»⁽⁴⁾ – Прочтя эту наивную жалобу человека, которого некоторые помнят еще в лицо, как не скажешь с Грибоедовым:

Свежо предание, а верится с трудом!⁽⁵⁾

Мало того, что через полвека после этого блаженного времени не только столичная, но даже публика последнего уездного городка чужда всякого подобного упрека – она уже понимает и любит Шекспира, и драмы его ставит выше всех произведений драматического искусства. Теперешняя публика знает о Сумарокове по одной наслышке или по воспоминанию и глубоко заснула бы от прекрасных «трагедий» Озерова, так глубоко, что только одно магическое имя Шекспира заставило бы ее проснуться. Какой прогресс!

В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров, один приезжий столичный актер может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фанта-

⁽¹⁾ Имеется в виду здание Большого театра на Петровской площади (ныне площадь Свердлова), построенное в 1825 г. архитектором О. И. Бове с использованием проекта А. А. Михайлова.

⁽²⁾ «*Ваньками*» называли дешевых московских извозчиков, которые в отличие от биржевых извозчиков не стояли на бирже, а поджидали седоков на улицах.

⁽³⁾ Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. пятая, строфа XXVI).

⁽⁴⁾ «Дмитрий Самозванец» Сумарокова вышел из печати в Петербурге в 1771 г. с предисловием автора, которое Белинский здесь частично цитирует.

⁽⁵⁾ Слова Чацкого из «Горя от ума», д. II, явл. 2.

стическую прелесть. И между тем слышны беспрестанные жалобы на холодность и равнодушие нашей публики к театру. Отчего же это противоречие? Кто прав, кто виноват?

У нас есть таланты, и таланты блестящие – об этом никто не спорит; но число этих талантов слишком не так велико, чтоб их доставало на каждую пьесу. Обыкновенно бывает так, что из десяти действующих лиц – три, много четыре таланта и шесть решительных бездарностей. От этого нет никакой общности в игре, а без общности – что за очарование? Без нее представление – кукольная комедия.

Вот причина холодности нашей публики, и причина глубоко основательная.

Но точно ли дело в таком виде, как оно представляется нам? Посмотрим.

Таланты везде редки; природа скупа на них. Невозможно требовать, чтобы такая огромная труппа, как труппа московского театра, была сформирована из одних талантов. Ни один театр в Европе не может похвалиться этим, потому что это не в природе вещей. А между тем общность и целостность игры есть неотъемлемая принадлежность всякого порядочного иностранного театра. Недостаток дарований должен заменяться умом, образованностью, изучением. Есть такие актеры, которые ни одной роли не сыграют художественно и в то же время не испортят никакой роли, за какую ни возьмутся. Такие актеры – дело важное, истинное сокровище для всякого театра. Они сами не блещут, но дают возможность блеснуть другим. Без них невозможно очарование истинности представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания